

4. Здесь и далее цит. по кн.: *Иванов А.* Чердынь — княгиня гор. М., 2003.
5. КПРС — Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. С. 408.
6. КРС — Коми-русский словарь. М., 1961. С. 602.
7. СМРРМ — *Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А.* Словарь мансийско-русский и русско-мансийский. Л., 1982. С. 287.
8. СХРРХ — *Терешкин Н. И., Сподига В. И.* Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Нижневартовск, 1997. С. 291.
9. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. С. 598.
10. Коми-русский словарь. М., 1961. С. 603.
11. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. С. 408.
12. Там же. С. 422.
13. Коми-русский словарь. М., 1961. С. 615.
14. БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965. Т. 17. С. 439.
15. «Манси считали, что человек состоит из 3–5 душ, которые сопутствуют ему всю жизнь...». См.: Страницы истории земли пермской. Пермь, 1995. С. 53.
16. *Ромбандеева Е. И.* Мансийский (вогульский) язык. М., 1973. С. 81.
17. *Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А.* Указ. соч. С. 211.
18. *Мартынова Е. П.* Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 135.
19. *Терешкин Н. И., Сподига В. И.* Указ. соч. С. 291.
20. Венгерско-русский словарь. Москва; Будапешт, 1974. С. 456.
21. См. об этом: *Гемуев И. Н., Сагалаев А. М.* Религия народа манси. Культурные места. Новосибирск, 1986.
22. См. об этом: *Гемуев И. Н.* Мировоззрение манси. Дом и космос. Новосибирск, 1990.
23. См. об этом: Там же.
24. В культовой традиции манси встречалась практика человеческих жертвоприношений. См. об этом: *Гемуев И. Н., Сагалаев А. М.* Указ. соч. С. 151.
25. *Ларин Б. А.* Эстетика слова и язык писателя. М., 1974. С. 127.

© Подлубнова Ю. С.
г. Екатеринбург

У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ ЛЕНИНИАНЫ: ПУБЛИЦИСТИКА 1918–1920 гг.*

Многие присущие советской лениниане жанры и — уже — образы, мотивы, штампы, стилевые решения возникли в общественной риторике первых постреволюционных лет. Изучение публицистической разновидности ленинианы 1918–1920-х гг. дает возможность проследить генезис и развитие ленинианы литературной.

Необходимо отметить, что публицистическая лениниана зародилась и существовала задолго до Октября 1917 г. В марксистской прессе еще со времен «Искры» происходило становление образа Ленина как лидера партии, идеального революционера. В прессе иного партийного толка формирова-

* Исследование выполнено в рамках интеграционного проекта УрО — СО РАН «Эволюция жанров в русской литературе XVII–XX вв. и региональные традиции Урала и Сибири».

лась и с 1917 г. преобладала антиленинская линия: Ленин назывался германским шпионом или прожектером от революции (вспомним, например, «Несвоевременные мысли» М. Горького). Однако настоящая лениниана, лениниана, призванная обслуживать становящийся культ Ленина и даже во многом определять его, рождается именно в Октябре 1917 г., активно формируется в течение всего 1918-го (историк Нина Тумаркин называет именно 1918 г. годом становления культа Ленина [1]) и делается масштабным явлением советской общественной мысли к 1920 г., 50-летию юбилею вождя (антиленинская линия или антилениниана в 1918–1920-е гг. будет продолжена в западной прессе).

Итак, в последние месяцы 1917 г. — первые 1918-го в постреволюционной риторике возникают и все более ширятся процессы осмысления «героической действительности», идет активная выработка манеры и языка говорения об эпохе и ее ключевых фигурах. В публицистике этого времени при разговоре о Ленине складывается одновременно несколько жанрово-тематических линий. Условно назовем эти линии мемуарной, биографической и панегирической. Среди них в первые постреволюционные годы, несомненно, преобладает линия мемуарная.

При том, что серьезных мемуаров о Ленине в 1918–1920 гг. еще нет, фигура вождя революции достаточно часто появляется в ряде воспоминаний соратников и коллег по партийной работе. Эти воспоминания, небольшие по объему заметки либо очерки, как правило, посвящены вовсе не Ленину, а революционной борьбе Октября 1917 г. и/или первым дням строительства нового государства. Ленин выступает здесь лишь в ряде эпизодов как непосредственный участник тех или иных событий. Автор таких воспоминаний не фокусирует читательское внимание на фигуре Ленина, для него важны в первую очередь сами события. Другими словами, здесь нет портретных описаний и характеристик вождя революции, Ленин фигурирует в предельно динамичных сценах: руководит чьими-либо действиями, принимает какие-либо решения, высказывает свою точку зрения на поставленные вопросы. Как характерный пример подобной ленинианы рассмотрим статью В. Оболенского (псевдоним — Н. Осинский) «Из первых дней Высшего совета народного хозяйства» [2] (1918). Автор статьи подробно рассказывает о создании ВСНХ и первых днях его работы. Ленин появляется в очерке ближе к финалу, в двух эпизодах. К нему, председателю СНК, приходит делегация кожевников с рядом предложений по улучшению их трудовой деятельности, суть которых сводится к необходимости создания синдиката. Ленин горячо одобряет предложения делегатов. В следующем эпизоде он делает на Совете доклад с предложением национализировать предприятия и банки, ввести трудовые повинности, трудовые книжки и т. д. Доклад воспринимается коммунистами с настороженностью. Которая, как подчеркивает В. Оболенский, была неуместна — это доказала сама история. Подобные воспоминания, в которых эпизодически фигурирует-действует Ленин, мы можем в большом объеме найти, например, в журнале «Красноармеец» № 10–15 за 1919 г., а также во множестве других изданий того времени.

Вторая линия — биографическая. К 1918 г. политическое лидерство Ленина становится неоспоримым. В стране и за рубежом возрастает интерес к жизни и деятельности вождя. Что характерно, всплески подобного интереса особенно заметны в 1918 и в 1920 гг., на фоне конкретных исторических событий, связанных с фигурой Ленина. В 1918 г. таким событием становятся выстрелы Ф. Каплан и ранение вождя на заводе Михельсона. Покушение произошло 31 августа, и уже 1 сентября в прессе появляется один из первых биографических очерков, принадлежащий перу Ем. Ярославского [3], в последующем — одного из ведущих ленинских биографов. Очерк «Великий вождь рабочей революции» построен как краткое описание революционной деятельности Ульянова-Ленина в конкретные исторические промежутки времени, он сопровождается достаточно точной датировкой и действительно является хорошим биографическим исследованием. При этом данная биография заканчивается стилистически неожиданными словосочетаниями в адрес вождя. Это свидетельствует о все более возрастающем значении в риторике эпохи другой жанрово-тематической линии, панегирической. В жанровом же плане элемент панегирика смещает биографию в сторону агиографии. Подобные биографические и в то же время панегирические очерки и заметки станут достаточно частым явлением в 1920 г., когда мировой пролетариат будет праздновать 50-летие вождя.

Юбилей — это всегда своего рода подведение итогов. Именно такое подведение итогов партийной деятельности Ленина содержится, например, в статье Г. Зиновьева «В. И. Ленин и наша партия» [4] (1920), напечатанной в юбилейном выпуске «Правды». Статья Г. Зиновьева, так же как и статья Ем. Ярославского, построена по канонам биографии, с точными датировками и описанием деятельности вождя в конкретный промежуток времени. При этом панегирический элемент здесь более весом. Ленин в очерке оказывается единственным руководителем партии на протяжении всего времени ее существования, начиная с «раскола» на съезде 1903 г., когда, собственно, и образовалась партия большевиков, вплоть до современности, эпохи революции и строительства нового государства. Как пишет Г. Зиновьев, «1917–1920 гг. — все это время верным рулевым с гениальной интуицией, с метким взглядом, с железной рукой, великим сердцем неизменно остается Владимир Ильич Ленин». И далее: «Наиболее мощная, наиболее великая фигура, которую до сих пор выдвинул освобождающий себя и все человечество международный пролетариат, — вот кто такой Владимир Ильич Ленин».

Последняя из выделенных нами панегирическая линия в первый пост-революционный год еще очень слаба. Показательна для этого времени статья М. Ольминского «Тов. Ленин» (1918), где содержится попытка дать методологию изучения жизни и деятельности вождя. Статья начинается с обзора отношения к проблеме «личность в истории» в разных революционных кругах. Автор отмечает, что у марксистов есть тенденция недооценки личности в истории, в то время как у социал-революционеров наблюдается переоценка. «Эти последние, благодаря своему идеалистическому мировоз-

зрению, от преувеличения оценки роли личности быстро пришли к культу героев, к созданию “икон”...» [5]. Задачей автора становится предостережение будущих исследователей личности Ленина от крайности обоих подходов. «Т. Ленин — непременный член коллектива. Это ставит его в один ряд с нами, с рядовыми членами партии. И в то же время он — яркая индивидуальность: второго Ленина нет в партии», — отмечает М. Ольминский и выделяет ряд индивидуальных особенностей, делающих Ленина исключительной личностью, как то: необычайная трудоспособность, умение сосредотачивать свое внимание только на одном деле, исключительная острота ума, пристальное внимание к жизни пролетариата [6]. Данная статья — это, без сомнения, попытка выработать объективный взгляд на личность вождя. Других подобных попыток в публицистике эпохи, пожалуй, уже не будет — к 1920 г. панегирическая линия станет набирать все большую и большую силу.

Итак, 1920 г. — год ленинского юбилея. Пресса наводняется статьями, очерками, заметками о Ленине. Общим тоном данной публицистики становится восторженность и преклонение перед политическим и литературным авторитетом вождя. Вся юбилейная «Правда» [7] — это, по большому счету, сплошной панегирик. Статьи Н. Бухарина, Г. Зиновьева, Н. Мещерякова, М. Покровского, К. Радека, И. Сталина, И. Степанова, Е. Преображенского, Л. Троцкого и других словно бы конкурируют в деле восхваления Ленина. «Ничего личного, ничего мелкого. Чисто революционный подход к делу и к людям. Удивительная острота зора...», — пишет И. Степанов. «Ленин — квинтэссенция рабочей русской революции», — как бы вторит ему К. Радек. «Теперь уже весь мир знает, что тов. Ленин — величайший вождь масс, гениальный тактик и революционный стратег», — заключает Н. Бухарин. Наконец, венчает эту линию очерк М. Горького «Человек», впервые напечатанный в журнале «Коммунистический Интернационал» (1920. № 12), очерк, смутивший и даже разозливший Ленина. Из данного очерка, как известно, впоследствии «выидет» портрет Ленина, ставший классикой социалистического реализма.

Очень важно, что в рамках панегирической линии неуклонно ширится тенденция моделирования образа вождя революции с помощью тех или иных мифологических аналогий. Так, Ленин зачастую сравнивается с легендарными героями древности, титанами. Широко привлекается также пласт христианских мифов: в постреволюционной риторике закрепляется параллель Ленина с Христом, а покушение 1918 г. невольно заставляет «видеть в Ленине страстотерпца» наподобие святых Бориса и Глеба и князя Андрея Боголюбского [8]. Приведем характерную цитату из «Правды». В статье «Отклики на покушение на тов. Ленина» находим слова уральских коммунистов: «Враги рабочего класса, отбросы человечества и предатели революции объединились для гнусного дела <...> они готовят голгофу российской и мировой революции... Они ошибаются: мировая революция с помощью путеводителя, с помощью великого вождя Владимира Ильича Ленина уже прошла свою голгофу, и рабочий класс всего мира творит свое Воскресе-

ние» [9]. Или показателен в этом же плане фрагмент фельетона Б. Полудина, напечатанного в юбилейном выпуске «Уральского рабочего». Автор описывает сцену, якобы реально произошедшую в Италии:

В ратушу приносят для записи в книгу ребенка.

«— Имя? — спрашивает чиновник.

— Пиши: Ленин! — твердо заявляет мать.

— Но... ведь в святцах нет этого имени! — возражает чин.

— В наших святцах есть! — отчеканивает мать» [10].

Ленин постепенно становится в сознании эпохи новым святым, и культ его неуклонно растет. Тенденция «преувеличения оценки роли личности в истории», стремление к «культу героев» и «созданию “икон”», приписанные М. Ольминским социал-революционерам, неожиданно оказываются актуальны для всей коммунистической риторики.

Подведем итог. Обозначенные нами жанрово-тематические линии — мемуарная, биографическая и панегирическая — будут доминировать в публицистической лениниане до начала и даже до середины 1920-х гг. Существенное влияние на литературную лениниану 1920-х гг. и далее окажет панегирическая линия: вспомним, например, классику ленинианы — поэму В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», его описание «настоящего, мудрого, человеческого», огромного лба вождя [11]. Основные мотивы, образы и аналогии, язык говорения о вожде, выработанные в рамках панегирической публицистики, перекочуют и в сталиниану, и в соцреалистическое искусство, обслуживающее культ героев. Кроме того, сочетание основных тенденций биографической и панегирической линий приведет к появлению в советской литературе 1920–1930-х гг. такого целостного явления, как ленинская агиография.

Примечания

1. *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / Пер. с англ. С. Л. Сухарева. СПб., 1997. С. 74.
2. *Оболенский В.* (Н. Осинский). Из первых дней Высшего совета народного хозяйства // Народное хозяйство. 1918. № 11. С. 11–14.
3. *Ярославский Е. М.* Великий вождь рабочей революции // Правда. 1918. 1 сент.
4. *Зиновьев Г. В.* И. Ленин и наша партия // Правда. 1920. 23 апр.
5. *Ольминский М.* Тов. Ленин // Вестн. жизни. 1918. № 2. С. 8.
6. Там же. С. 10.
7. См.: Правда. 1920. 23 апр.
8. *Тумаркин Н.* Указ. соч. С. 102, 152–154.
9. Отклики на покушение на тов. Ленина // Правда. 1918. 4 сент.
10. *Полудин Б.* Маленький фельетон. Ленин // Урал. рабочий. 1920. 22 апр.
11. *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 6: 1924 — первая половина 1925. М., 1957. С. 234.